

Тема рабочего класса в литературе братских республик

Взглянем на карту Советского Союза. Она красноречиво расскажет о результатах героического творческого труда народа, о необычайных переменах, произошедших за годы социалистической революции на нашей земле.

Нет больше у нас отсталых, аграрных национальных окраин. Есть цветущие социалистические республики, каждая из которых имеет свою индустрию, свои оснащенные передовой техникой социалистические предприятия, свой рабочий класс.

Постепенная ликвидация противоподложности между умственным и физическим трудом стала реальным процессом нашей жизни. Он проявляется повседневно в деятельности первоводов советских рабочих-инженеров, решавших в содружестве с наукой сложнейшие технические проблемы, движущих вперед развитие техники, добывающихся все более высокой производительности труда. Всему миру известны имена стахановцев Виталия Михайлова, токаря Генриха Борткевича, бригадира Валентина Христановича, бурового мастера Ага Нейматулла и многих других. В ходе коммунистического строительства вырос воспитанный партией Ленина — Сталинский новый тип рабочего, в чьей деятельности физический и умственный труд связаны неразрывно.

Рост таких людей способствует весь наш жизненный строй. Нынешнее советское предприятие — возмездие любому нарушению структуры или завода, находящимся в любой советской республике, — это совершение невозможное в капиталистических условиях явление. Для нас, советских людей, завод, фабрика или новостройка, где учата «стар и мал» в технических и политических кружках, вечерних техникумах и институтах, завод — творческая лаборатория, коллектив которой повседневно решает все новые и новые технические проблемы, двигая вперед науку, обычное предприятие.

Отобразить его жизнь в художественном произведении, показать во всем рост образа рабочего коммунистического формирования, для которого труда стал творчеством, рабочего, подобного которому не знала еще история человечества, — одна из главных задач советских литераторов.

Социалистический реализм требует от художника, чтобы он отобразил жизнь в ее революционном развитии, рисовал правду жизни, кладя в основу развития исторических сюжетов в ущерб отображению жизни рабочего класса своей республики. Нет значительных произведений о рабочем классе и в Казахстане, Армении. В таких республиках, как Туркмения, Таджикистан, писатели лишь прибегают к этой теме. Освоение этой важнейшей современной темы послужит полному литература на новую, высшую ступень. Освоение темы индустриального труда, создание образов рабочих обогащают литературу и углублением идей интернационализма, идей дружбы народов. Изображая людей труда, писатель должен передать своеобразные, специфические черты их национального характера, развивая лучшие, передовые национальные традиции.

В республиках, промышленность которых имеет сравнительно короткую историю, писатели чаще обращаются к теме сельского труда, большинству из них родного, знакомого с детства. Освоение новой темы требует большой работы, глубокого творческого проникновения во все стороны жизни завода, фабрики, шахты. Но имеет ли право писатели отступать перед этой задачей, перед трудностями в освоении нового?

Молодые советские республики Прибалтики, борьбы промышленностью, восстановленной, переоснащенной и перестроенной на социалистический лад в послевоенные годы. Однако геройский труд рабочих Литвы, Эстонии, Латвии не нашел еще должного отображения в произведениях писателей этих республик. В этом году в Прибалтике вышла на русском языке книга, посвященная жизни людей индустрии, — роман литовского писателя И. Довдайтиса «Большое событие в Наутистессе». И эта единственная книга подверглась справедливым отрицаниям. Так была открыта новая эпоха в литературе, отразившая высший, пролетарский этап революционного движения в России. Так родился метод социалистического реализма.

Стремясь к правдивому и глубокому отображению жизни, верные горьковским традициям, советские писатели создали на различных этапах жизни нашей страны ряд крупных произведений о рабочем классе. Новые, глубоко типические образы — такие, как Глеб Чумаков и «Цемент», Ф. Гайдкова, пугачевский рабочий Давыдов из «Полицейской целины» М. Шолохова, герой других книг о борьбе и труде строителей первых пятилеток входили в литературу, обогащая ее и двинув вперед. За последние годы в нашей литературе появились такие значительные произведения, посвященные советскому рабочему классу, как «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Земля Кузнецкая» А. Волошина, «Волгитея» А. Рыбакова, трилогия А. Караваевой «Родина», роман В. Попова «Сталь и плак», «Донбас» Б. Горбатова, книга азербайджанского писателя М. Гусейна «Ашхерон» и другие.

На примере азербайджанской литературы можно проследить, как вслед за русскими писателями, проложив и развивавшие горьковские традиции, литераторы этой республики добиваются серьезных успехов. Не случайно «Ашхерон» М. Гусейна и «Тайна недр» М. Сулеймана

— книги, повествующие о жизни в труде бакинских нефтяников, стали широко известны не только республиканским, но и всемирному читателю. Сама тема — глубокая и значительная — потребовала подлинно реалистического воощения, следование лучшим традициям русской литературы, правдивости и конкретности действия и образов, простого и точного языка. М. Гусейн и М. Сулейманов создали книги, явившиеся шагом вперед для всей азербайджанской литературы, завоевавшим не только именем, но в то же время и эстетическое, художественное.

Роман К. Наджми «Весенние ветры» — о становлении и революционной борьбе рабочего класса Татарии — большой успех татарской литературы. Взявшись за разработку этой темы, К. Наджми пошел единственно верным, горьковским путем — путем исторически правдивого отображения событий, создания подлинно типических образов. Жизнь кузница Мустафы, темного, загадочного человека, его приход в партию, к сознательной революционной борьбе — это путь рабочего класса Татарии, запечатленный в мастерски выписанном, глубоко реалистическом, подлинно национальном образе. Таков и образ кузница Игнатаса из романа А. Гузевича «Прагма кузница Игнатаса». Читатель ждет стоять же глубоких и ярких произведений о делах и днях рабочего класса сегодняшней Татарии, сегодняшней Литвы.

Лучшие произведения литераторов братских республик, посвященные изображению жизни, труда и борьбы рабочего класса, обогащают всю многонациональную советскую литературу.

Книги о людях индустриального труда создаются в Армении, на Украине, в Белоруссии, Узбекистане, Казахской, Каракалпакской и других республиках. Но книг этих все мало и не все из них удовлетворяют требованиям выскакательного советского читателя.

Книги рабочего класса еще не раскрыты в Армении, на Украине, в Белоруссии, Узбекистане, Казахской, Каракалпакской и других республиках. Но книг этих все мало и не все из них удовлетворяют требованиям выскакательного советского читателя.

Книги рабочего класса еще не раскрыты в белорусской литературе. Повесть «Заставка А. Кулаковского о молодежи тракторного завода, «Горячее пыление» М. Порембовская и несколько десятков не всегда удачных очерков о новаторах производств — все это не может восполнить пробела. Кроме известной книги В. Попова «Сталь и плак», на Украине еще не созданы значительные произведения прозаического жанра о рабочем классе. Грузинский читатель вправе упрекнуть своих прозаиков в чрезмерном увлечении историческими сюжетами в ущерб отображению жизни рабочего класса своей республики. Нет значительных произведений о рабочем классе и в Казахстане, Армении. В таких республиках, как Туркмения, Таджикистан, писатели лишь прибегают к этой теме. Освоение этой важнейшей современной темы послужит полному отображению на новую, высшую ступень. Освоение темы индустриального труда, создание образов рабочих обогащают литературу и углублением идей интернационализма, идей дружбы народов. Изображая людей труда, писатель должен передать своеобразные, специфические черты их национального характера, развивая лучшие, передовые национальные традиции.

Книги рабочего класса еще не раскрыты в белорусской литературе. Повесть «Заставка А. Кулаковского о молодежи тракторного завода, «Горячее пыление» М. Порембовская и несколько десятков не всегда удачных очерков о новаторах производств — все это не может восполнить пробела. Кроме известной книги В. Попова «Сталь и плак», на Украине еще не созданы значительные произведения прозаического жанра о рабочем классе. Грузинский читатель вправе упрекнуть своих прозаиков в чрезмерном увлечении историческими сюжетами в ущерб отображению жизни рабочего класса своей республики. Нет значительных произведений о рабочем классе и в Казахстане, Армении. В таких республиках, как Туркмения, Таджикистан, писатели лишь прибегают к этой теме. Освоение этой важнейшей современной темы послужит полному отображению на новую, высшую ступень. Освоение темы индустриального труда, создание образов рабочих обогащают литературу и углублением идей интернационализма, идей дружбы народов. Изображая людей труда, писатель должен передать своеобразные, специфические черты их национального характера, развивая лучшие, передовые национальные традиции.

Книги рабочего класса еще не раскрыты в белорусской литературе. Повесть «Заставка А. Кулаковского о молодежи тракторного завода, «Горячее пыление» М. Порембовская и несколько десятков не всегда удачных очерков о новаторах производств — все это не может восполнить пробела. Кроме известной книги В. Попова «Сталь и плак», на Украине еще не созданы значительные произведения прозаического жанра о рабочем классе. Грузинский читатель вправе упрекнуть своих прозаиков в чрезмерном увлечении историческими сюжетами в ущерб отображению жизни рабочего класса своей республики. Нет значительных произведений о рабочем классе и в Казахстане, Армении. В таких республиках, как Туркмения, Таджикистан, писатели лишь прибегают к этой теме. Освоение этой важнейшей современной темы послужит полному отображению на новую, высшую ступень. Освоение темы индустриального труда, создание образов рабочих обогащают литературу и углублением идей интернационализма, идей дружбы народов. Изображая людей труда, писатель должен передать своеобразные, специфические черты их национального характера, развивая лучшие, передовые национальные традиции.

Книги рабочего класса еще не раскрыты в белорусской литературе. Повесть «Заставка А. Кулаковского о молодежи тракторного завода, «Горячее пыление» М. Порембовская и несколько десятков не всегда удачных очерков о новаторах производств — все это не может восполнить пробела. Кроме известной книги В. Попова «Сталь и плак», на Украине еще не созданы значительные произведения прозаического жанра о рабочем классе. Грузинский читатель вправе упрекнуть своих прозаиков в чрезмерном увлечении историческими сюжетами в ущерб отображению жизни рабочего класса своей республики. Нет значительных произведений о рабочем классе и в Казахстане, Армении. В таких республиках, как Туркмения, Таджикистан, писатели лишь прибегают к этой теме. Освоение этой важнейшей современной темы послужит полному отображению на новую, высшую ступень. Освоение темы индустриального труда, создание образов рабочих обогащают литературу и углублением идей интернационализма, идей дружбы народов. Изображая людей труда, писатель должен передать своеобразные, специфические черты их национального характера, развивая лучшие, передовые национальные традиции.

Книги рабочего класса еще не раскрыты в белорусской литературе. Повесть «Заставка А. Кулаковского о молодежи тракторного завода, «Горячее пыление» М. Порембовская и несколько десятков не всегда удачных очерков о новаторах производств — все это не может восполнить пробела. Кроме известной книги В. Попова «Сталь и плак», на Украине еще не созданы значительные произведения прозаического жанра о рабочем классе. Грузинский читатель вправе упрекнуть своих прозаиков в чрезмерном увлечении историческими сюжетами в ущерб отображению жизни рабочего класса своей республики. Нет значительных произведений о рабочем классе и в Казахстане, Армении. В таких республиках, как Туркмения, Таджикистан, писатели лишь прибегают к этой теме. Освоение этой важнейшей современной темы послужит полному отображению на новую, высшую ступень. Освоение темы индустриального труда, создание образов рабочих обогащают литературу и углублением идей интернационализма, идей дружбы народов. Изображая людей труда, писатель должен передать своеобразные, специфические черты их национального характера, развивая лучшие, передовые национальные традиции.

Книги рабочего класса еще не раскрыты в белорусской литературе. Повесть «Заставка А. Кулаковского о молодежи тракторного завода, «Горячее пыление» М. Порембовская и несколько десятков не всегда удачных очерков о новаторах производств — все это не может восполнить пробела. Кроме известной книги В. Попова «Сталь и плак», на Украине еще не созданы значительные произведения прозаического жанра о рабочем классе. Грузинский читатель вправе упрекнуть своих прозаиков в чрезмерном увлечении историческими сюжетами в ущерб отображению жизни рабочего класса своей республики. Нет значительных произведений о рабочем классе и в Казахстане, Армении. В таких республиках, как Туркмения, Таджикистан, писатели лишь прибегают к этой теме. Освоение этой важнейшей современной темы послужит полному отображению на новую, высшую ступень. Освоение темы индустриального труда, создание образов рабочих обогащают литературу и углублением идей интернационализма, идей дружбы народов. Изображая людей труда, писатель должен передать своеобразные, специфические черты их национального характера, развивая лучшие, передовые национальные традиции.

Книги рабочего класса еще не раскрыты в белорусской литературе. Повесть «Заставка А. Кулаковского о молодежи тракторного завода, «Горячее пыление» М. Порембовская и несколько десятков не всегда удачных очерков о новаторах производств — все это не может восполнить пробела. Кроме известной книги В. Попова «Сталь и плак», на Украине еще не созданы значительные произведения прозаического жанра о рабочем классе. Грузинский читатель вправе упрекнуть своих прозаиков в чрезмерном увлечении историческими сюжетами в ущерб отображению жизни рабочего класса своей республики. Нет значительных произведений о рабочем классе и в Казахстане, Армении. В таких республиках, как Туркмения, Таджикистан, писатели лишь прибегают к этой теме. Освоение этой важнейшей современной темы послужит полному отображению на новую, высшую ступень. Освоение темы индустриального труда, создание образов рабочих обогащают литературу и углублением идей интернационализма, идей дружбы народов. Изображая людей труда, писатель должен передать своеобразные, специфические черты их национального характера, развивая лучшие, передовые национальные традиции.

Книги рабочего класса еще не раскрыты в белорусской литературе. Повесть «Заставка А. Кулаковского о молодежи тракторного завода, «Горячее пыление» М. Порембовская и несколько десятков не всегда удачных очерков о новаторах производств — все это не может восполнить пробела. Кроме известной книги В. Попова «Сталь и плак», на Украине еще не созданы значительные произведения прозаического жанра о рабочем классе. Грузинский читатель вправе упрекнуть своих прозаиков в чрезмерном увлечении историческими сюжетами в ущерб отображению жизни рабочего класса своей республики. Нет значительных произведений о рабочем классе и в Казахстане, Армении. В таких республиках, как Туркмения, Таджикистан, писатели лишь прибегают к этой теме. Освоение этой важнейшей современной темы послужит полному отображению на новую, высшую ступень. Освоение темы индустриального труда, создание образов рабочих обогащают литературу и углублением идей интернационализма, идей дружбы народов. Изображая людей труда, писатель должен передать своеобразные, специфические черты их национального характера, развивая лучшие, передовые национальные традиции.

Книги рабочего класса еще не раскрыты в белорусской литературе. Повесть «Заставка А. Кулаковского о молодежи тракторного завода, «Горячее пыление» М. Порембовская и несколько десятков не всегда удачных очерков о новаторах производств — все это не может восполнить пробела. Кроме известной книги В. Попова «Сталь и плак», на Украине еще не созданы значительные произведения прозаического жанра о рабочем классе. Грузинский читатель вправе упрекнуть своих прозаиков в чрезмерном увлечении историческими сюжетами в ущерб отображению жизни рабочего класса своей республики. Нет значительных произведений о рабочем классе и в Казахстане, Армении. В таких республиках, как Туркмения, Таджикистан, писатели лишь прибегают к этой теме. Освоение этой важнейшей современной темы послужит полному отображению на новую, высшую ступень. Освоение темы индустриального труда, создание образов рабочих обогащают литературу и углублением идей интернационализма, идей дружбы народов. Изображая людей труда, писатель должен передать своеобразные, специфические черты их национального характера, развивая лучшие, передовые национальные традиции.

Книги рабочего класса еще не раскрыты в белорусской литературе. Повесть «Заставка А. Кулаковского о молодежи тракторного завода, «Горячее пыление» М. Порембовская и несколько десятков не всегда удачных очерков о новаторах производств — все это не может восполнить пробела. Кроме известной книги В. Попова «Сталь и плак», на Украине еще не созданы значительные произведения прозаического жанра о рабочем классе. Грузинский читатель вправе упрекнуть своих прозаиков в чрезмерном увлечении историческими сюжетами в ущерб отображению жизни рабочего класса своей республики. Нет значительных произведений о рабочем классе и в Казахстане, Армении. В таких республиках, как Туркмения, Таджикистан, писатели лишь прибегают к этой теме. Освоение этой важнейшей современной темы послужит полному отображению на новую, высшую ступень. Освоение темы индустриального труда, создание образов рабочих обогащают литературу и углублением идей интернационализма, идей дружбы народов. Изображая людей труда, писатель должен передать своеобразные, специфические черты их национального характера, развивая лучшие, передовые национальные традиции.

Книги рабочего класса еще не раскрыты в белорусской литературе. Повесть «Заставка А. Кулаковского о молодежи тракторного завода, «Горячее пыление» М. Порембовская и несколько десятков не всегда удачных очерков о новаторах производств — все это не может восполнить пробела. Кроме известной книги В. Попова «Сталь и плак», на Украине еще не созданы значительные произведения прозаического жанра о рабочем классе. Грузинский читатель вправе упрекнуть своих прозаиков в чрезмерном увлечении историческими сюжетами в ущерб отображению жизни рабочего класса своей республики. Нет значительных произведений о рабочем классе и в Казахстане, Армении. В таких республиках, как Туркмения, Таджикистан, писатели лишь прибегают к этой теме. Освоение этой важнейшей современной темы послужит полному отображению на новую, высшую ступень. Освоение темы индустриального труда, создание образов рабочих обогащают литературу и углублением идей интернационализма, идей дружбы народов. Изображая людей труда, писатель должен передать своеобразные, специфические черты их национального характера, развивая лучшие, передовые национальные традиции.

Книги рабочего класса еще не раскрыты в белорусской литературе. Повесть «Заставка А. Кулаковского о молодежи тракторного завода, «Горячее пыление» М. Порембовская и несколько десятков не всегда удачных очерков о новаторах производств — все это не может восполнить пробела. Кроме известной книги В. Попова «Сталь и плак», на Украине еще не созданы значительные произведения прозаического жанра о рабочем классе. Грузинский читатель вправе упрекнуть своих прозаиков в чрезмерном увлечении историческими сюжетами в ущерб отображению жизни рабочего класса своей

Насущные задачи латышской драматургии

Прогрессивная латышская драматургия всегда была тесно связана с русской классической литературой. Возлётство Гоголя, Островского, Чехова ощущается в лучших пьесах Р. Блаумана. Благотворным влиянием Пушкина, Лермонтова и Горького отмечено творчество Я. Григулиса. Лучшими драматическими произведениями А. Упита надо признать те, в которых ярко всего чувствуется созвучие с гениальными пьесами Гоголя, Островского, Горького.

Советская латышская драматургия создавалась и развивалась, учась на образцах горьковских пьес советского периода, произведениями советской классики.

В годы войны и в послевоенный период латышские драматурги создали ряд значительных и серьезных произведений. В активе латышской литературы такие пьесы, как «В кремне есть огонь» А. Григулиса, «Золотая нива» и «Горчичная сердца» А. Броделе, «Светлые окна» Ю. Ванага и Е. Ратнера.

Пьесы не лишены недостатков, но главное их значение и достоинство в том, что они показали важнейшие этапы жизни Латвии, подняли острые, актуальные вопросы, отразили тот перелом, который произошел в сознании, в психологии латышского народа.

Огромное значение для создания лучших драматических произведений латышской литературы имели исторические решения ЦК ВЛП(б) по идеологическим вопросам. Они помогли нашим писателям увидеть свою слабые стороны, заставили смело обратиться к жизни, более честно прислушаться к голосу критики, проявить в себе супруженственную требовательность.

Вскоре после решений ЦК ВЛП(б) по идеологическим вопросам на сценах латышских театров появились острые, злободневные пьесы о борьбе Советской Латвии за колективизацию, за выполнение пятилетнего плана, за торжество коммунизма. В них драматурги создали яркие образы лучших представителей латышского народа, беспощадно разбрасывали буржуазных националистов и космополитов, отражали новое, социалистическое отношение людей к труду, своему гражданско-му долгу перед Родиной.

Однако за последнее время опыт, накопленный нашими драматургами в первые послевоенные годы, не получил дальнейшего развития. Напротив, появился пьесы слабые, идейно-порочные и малооживущие.

Объяснить это, на наш взгляд, можно следующими обстоятельствами.

Многие драматурги недостаточно глубоко изучают действительность в ее непрерывном развитии. Они отходят от бурного и стремительного роста республики — ее промышленности, сельского хозяйства и культуры, не обобщают тот богатейший материал, который дает жизнь. И, естественно, когда художник отстает от действительности, не замечает серьезных изменений в ней, он неизбежно теряет чувство нового, продолжает жить старыми представлениями и прежде созданными образами, не сознавая, что образы эти стали схематичными, события, происходящие с героями, безнадежно устарели, а конфликт, выдуманный им, далек от подлинной правды жизни.

Другая серьезная причина неудач некоторых драматургов — недостаточное овладение марксистско-ленинской теорией. Это нередко приводит писателей к серьезным политическим промахам в своих произведениях, не дающим возможностей видеть перспективу, правильно анализировать и обобщать факты.

Наконец, третье обстоятельство, тормозящее развитие нашей драматургии, — отсутствие настоящей большевистской критики и самокритики в творческих организациях. При обсуждении драматических

А. ПЕЛЬШЕ,
секретарь ЦК КП(б) Латвии

произведений в литературном кругу еще зачастую дают о себе знать элементы захвата, дружеской амнистии недостатков, проявления беспричинности, мешающие писателям двигаться вперед.

Неглубокое знание действительности, оперирование случайными, нетипическими фактами, положенными в основу произведений, не непосредственное изучение жизни, а обращение к литературным источникам, к знакомым уже стандартным конфликтам породили такие недоработанные, незрелые пьесы, как «В кремне есть огонь» А. Григулиса, «Золотая нива» и «Горчичные сердца» А. Броделе, «Светлые окна» Ю. Ванага и Е. Ратнера.

Пьеса А. Григулиса «В кремне есть огонь» — пример неутихающего и талантливого автора, попытавшегося встремиться в рамки старых композиционных форм новое содержание. Пьеса эта неправильно изображает коммунистов, показывает их изолированно от всех колхозников, вне тесной связи, объединяющей партию и народ.

В этом году Государственный академический театр драмы показал новую пьесу А. Броделе «Горчичные сердца». Партийная печать распустила посыпку этого произведения супруженской критики. Как видно, нормальный тот факт, что А. Григулис не вынес свою пьесу «В кремне есть огонь» на обсуждение писательской общественности? Разумеется, нет.

Деятельность секции драматургов Союза писателей Латвии протекала до сих пор калейдоскопом, секция не привлекала к работе всех способных трудиться в области драматургии, не ставила на обсуждение национальные проблемы творчества.

Бывали случаи, когда на секциях обсуждались те или другие произведения, но автор преобретал критику, не прислушивалась к ее справедливому голосу. Так случилось с А. Броделе при обсуждении ее последней пьесы «Горчичные сердца». В секции драматургов было высказано много дальних и серьезных замечаний, которые давали автору возможность избежать некоторых промахов и ошибок. Но А. Броделе, игнорируя мнение товарищей, отдала пьесу в театр, несмотря на ее очевидные пороки.

Пьеса «Светлые окна» Ю. Ванага и Е. Ратнера была выпущена Латгосиздатом отдельной книжкой прежде, чем авторы начали работать с театром и соискать необходимые внести ряд поправок и изменений. Такое несерьезное, безответственное отношение драматургов к своему творчеству недопустимо.

В связи с решением ЦК КП(б) Латвии о состоянии латышской драматургии Союзу писателей необходимо серьезно подойти к вопросам творческого планирования, правильной организации работы писателей. Союз писателей должен помочь художнику, направлять его на главные темы современности.

В распутице ежедневно происходят качественные изменения: растут люди, возникают новые проблемы в науке, промышленности, сельском хозяйстве, труда, имеющие в себе, значительно более тех живых советских людей, которые создали и строят новую социалистическую латвийскую деревню.

Важной теме — работе классу республики — посвящена пьеса Ю. Ванага и Е. Ратнера «Светлые окна». Следует сказать, что эта тема, за исключением пьесы А. Григулиса «Горчичные сердца», не была достаточно разработана в нашей драматургии. Однако, обратившись к интересному материалу, Ю. Ванаг и Е. Ратнер не сумели глубоко овладеть им и пошли по пути схематизма и упрощенчества. Через стандартный устаревший конфликт, противостоящий директору, ограниченному узкогородским интересам, и ученического-консерватора — новаторам-исследователям, авторы пытаются показать черты нового в нашей промышленности. В пьесе есть секретарь партгруппы завода Сурдаб, но он больше «присутствует», чем действует. Образ партгруппы выписан неубедительно, это скроет разрез, чем человек, призванный руководить массами, вести их за собой.

Застой в латышской драматургии, серьезные ошибки некоторых писателей вызвали законную тревогу у общественности республики. ЦК КП(б) Латвии обратил внимание на этот участок идеологической работы и принял специальное решение о состоянии латышской драматургии.

РИГА

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ
«ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ» ЗА 1951 ГОД

Икуо Ояма

В биографии профессора Икуо Ояма есть два эпизода, которыми, быть может, и следует начать рассказ об этом выдающемся японском патриоте, стойком борце за мир во всем мире.

Шестидесятилетний профессор в 1949 году был арестован. Американские оккупационные власти усмотрели в его выступлениях «подрывные действия», и японские прислужники Макартура засадили за решетку ученого, депутата парламента, человека с честной душой и чистой совестью патриота. И только широкая волна народного возмущения этим грубым актом полицейского герцога заставила американцев освободить Ояма.

В следующем году профессор перенес тяжелую болезнь и долгое время был прикован к постели. Весь о его болезни встревожила честных людей Японии. Со всех концов страны в адрес Ояма потоком поступали письма в телеграфии от различных организаций, от деятелей науки и культуры, от молодежи. В простых и теплых словах японский народ выразил тревогу за здоровье старого ученого, ободрил его и желал ему скорейшего выздоровления. Был организован сбор средств на лечение Ояма. Простые люди, часто отказывая себе в самом необходимом, отдавали свои сбережения с искренним желанием во что бы то ни стало вернуть профессору Икуо Ояма здоровье.

Чем объяснять ту яркую ненависть, которую питают к Ояма американские оккупационные в их японские лагеря, в ту горячую любовь к нему честных людей Японии, которая так ярко проявилась во время ареста и болезни профессора?

Ответ на этот вопрос можно получить, лишь познакомившись с жизнью этого благородного человека в его неутомимой деятельности, посвященной борьбе за мир и защите кровных интересов японского народа.

Икуо Ояма родился в 1880 году. Долго и упорно учился — сначала у себя на

стороне Чикагского университета и занималась преподавательской деятельностью.

Поражение японского милитаризма во второй мировой войне открыло Икуо Ояма желанную возможность продолжать свою замечательную деятельность на родной земле. Сразу же по возвращении из эмиграции Икуо Ояма принял активное участие в демократическом движении, развернувшемся в послевоенной Японии. Он призывал японский народ преодолеть временные, социальные, мешающие демократизации страны, и настолько разъяснил, что если не будет парализована деятельность политических партий Сеййакай и Минсейто (реакционные партии, существовавшие в Японии до войны), то неизбежно выступление против демократического режима и проводимой им агрессии.

Икуо Ояма принял в выводе о необходимости создания единого демократического народного фронта для борьбы за создание миролюбивой Японии.

Журнал «Плюс Корон» опубликовал в марте 1949 года статью Икуо Ояма, где он писал о том, что только вскоре развитие прогрессивного и демократического движения, организованного в едином фронте, может выковать «крепкую созидающую силу, способную эффективно действовать, защищая демократию».

Неустанный борец Ояма за заключение

второго мирного договора с Японией,

за установление дружественных отноше-

ний со всеми миролюбивыми странами и

прежде всего с соседними государствами — Советским Союзом и Китайской Народной

Республикой.

Вместе с другими демократическими

деятелями японской науки и искусства

профессор Ояма стал в первые ряды дви-

жения защиты мира.

По инициативе Икуо Ояма, в апреле

1949 года в Японии был проведен первы

национальный конгресс защиты ми-

ра, положивший начало массовому орга-

низации японской

науки и искусств

и пропаганды

миролюбия.

Икуо Ояма

выступил

в качестве

председателя

и членом

исполнительного

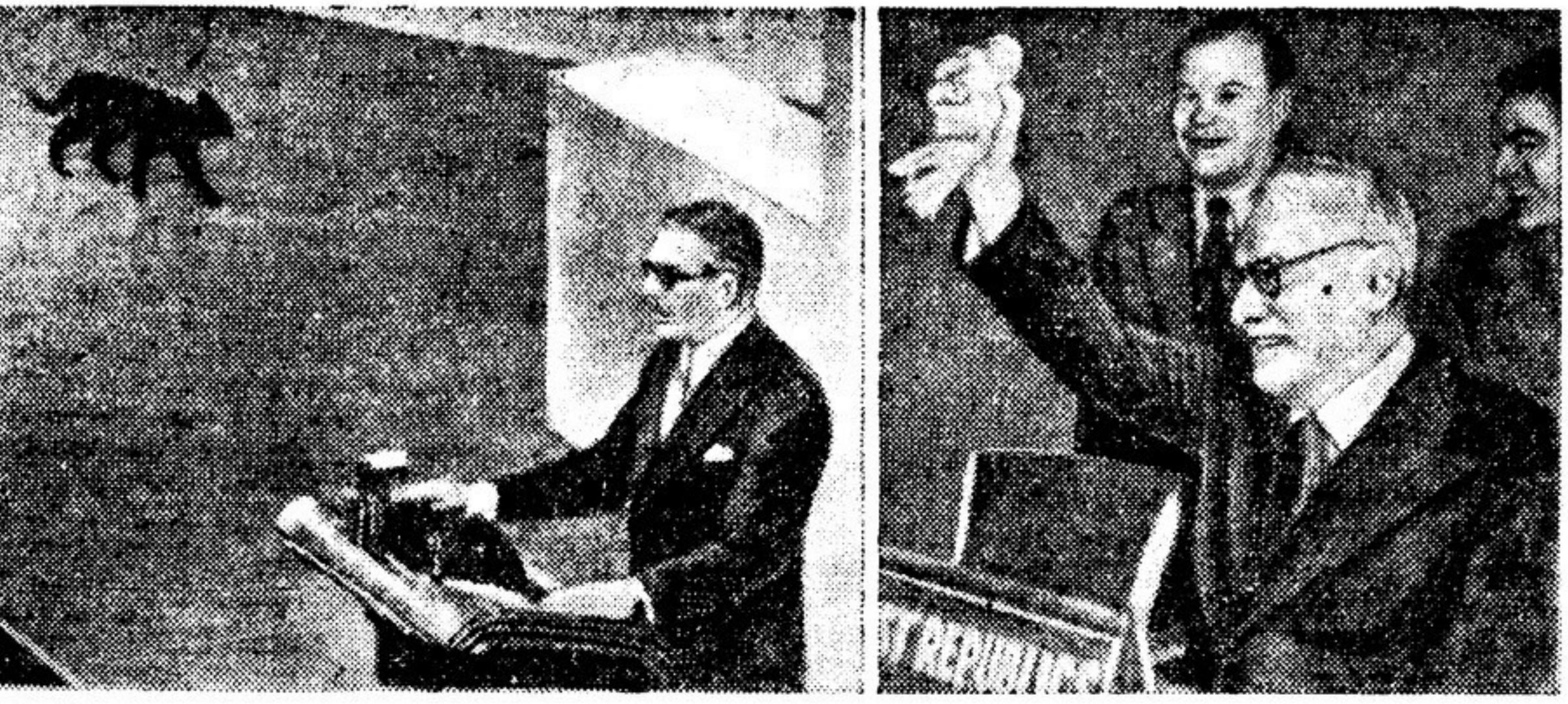
комитета

и членом

исполнительного

РЕМИЛИТАРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ

◊ В. СТЕЖЕНСКИЙ ◊

Не так давно в «Правде» была опубликована корреспонденция Ю. Жукова «Голубь мира во дворце Шайо». В ней говорилось, что перед одним из ноябрьских заседаний Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций французская актриса Анни Гульд подарила глашатею советской делегации А. Я. Вышинскому белоснежную голубку. Голубь мира был вручен представителю страны, возглавляющей великий лагерь демократии. Этим многозначительным жестом подчеркивалось, какие огромные надежды возлагают простые люди всех стран на советскую делегацию.

Вместе с тем подарок А. Я. Вышинскому вызвал в памяти делегатов ассамблеи другой эпизод. Когда британский министр иностранных дел Иден с жаром пытался в своем выступлении опровергнуть замечание советского представителя о том, что американская

гора (предложения США.—Ред.) родила мышь, на сцену дворца Шайо выбросился огромный черный кот и подошел к трибуне, с которой говорил Иден. «Пришел искать американскую мышь», — смеялся в зале.

Делегат одной из стран полуслучив спросил у советского министра иностранных дел, державшего белого голубя:

би: «Вы не отгадите его коту Иден?» — ответил Вышинский.

Сегодня мы публикуют снимки, изображающие эти символические эпизоды.

На снимке слева — министр иностранных дел Великобритании Иден и предущий мимо него черный кот. Справа — А. Я. Вышинский с белоснежной голубкой в руках.

«Западная Европа лежит в парализе.

Только экономическая и военная помощь Америки может спасти ее от неминуемой гибели...» Так начинается передовая статья одного из номеров западногерманского литературно-публицистического журнала «Der Monat». Автор этой статьи, небезвестный литераторский агент американского империализма Артур Кестлер, в качестве падчерицы от всех зодиев предположил читателям обширную программу подготовки войны. Нововведенный «спаситель Европы» призывает к созданию агрессивной западногерманской армии, отнюдь не ограниченной при этом общими фразами. В его программе, состоящей из десятка пунктов и подпунктов, предусмотрены все, начиная от покрытия мундириров для новобранцев и кончая порядком расквартирования солдат на территории Западной Германии. Лакай хорошо знает, что хотят его хозяева: в пункте седьмом «программы» специально оговорено, что ландскнехты будут вербоваться из молодежи европейских стран, а оружием их великолепно снабдят американское правительство.

Но сколько бы останавливаться на этом выступлении штатного поджигателя войны, если бы оно не характеризовало с достаточной определенностью политику американского империализма в Западной Германии и роль, которая отведена в пропаганде этой политики «деятелям культуры».

А. Кестлер и ему подобные являются теми литературными «айсбергами», услугами которых широко пользуются заокеанские колонизаторы, пытаясь выдать их фашистские разлагающие действия за голос западногерманского общественного мнения. С политической ремилитаризацией Западной Германии неразрывно связана ставка на подрыв немецкой национальной культуры. Ее диетический рацион состоял изредко всего из двух картофелин. Пару материнских туфель он носил девять месяцев. Когда туфли изнашивались, он подсыпал им железнодорожной прокладкой. Откуда он мог взять деньги для женитьбы? — спрашивает «Гунженъжбао».

Народная революция дала Чжан Ю, как и многим другим молодым рабочим, возможность зажечь семейной жизнью. Работческий же жажды фабрик Дун Чжан-лу сейчас 35 лет. Женился он на газете. «Если бы не пришла коммунистическая партия, — говорит Дун, — я на всю жизнь остался бы холостиком». Два года назад из этой фабрики среди рабочих было 72 таких, как Дун, сейчас 66 из них уже обзавелись семьями.

«Гунженъжбао» поместила рисунок. Перед большим портретом председателя Мао Цзэ-дуна стоит опрятно одетый молодой человек. Рядом с ним — девушка с букетом цветов. На ленточках, прикрепленных к груди, на фонарике, свешивающемся с потолка, — пожелания счастья поборчаным. Это грузинская Западной станции Пекина Ли Цзинь-чен и его молодая жена. «В одной только нашей бригаде, — рассказывает Ли, — 21 молодожен. Одним словом, жизнь сейчас, действительно, прекрасна!»

На первом снимке мы видим плохое одеяние рабочего с изможденным лицом и тусклым взглядом. Выглядит он стариком, хотя ему было тогда всего сорок лет. И вот вторая фотография, сделанная спустя три года, в наши дни. Со снимка смотрят человек с живыми глазами, полными юношеского задора. Его новенький френч украшен металлическими личинками из знатных людей Мукдена Гань Юй-тун.

Рядом со снимками помещена анкета, рассказывающая о жизни труда Гань Юй-тун до и после установления народной власти. Вот она:

СЧАСТЬЕ СЕМЬИ ГАНЬ ЮЙ-ТУНА

Газета «Гунженъжбао» поместила недавно две фотографии мукденского рабочего Гань Юй-тун. Одна была сделана до, другая после освобождения Китая от гоминдановцев. Трудно поверить, что на них изображен один и тот же человек.

— Когда ты был маленький, напоминаешь всегда недоеданный. Чтобы ты мог пропутиться хотя бы два голя, мы отказывали себе в самом насыщном. В девять лет ты пошел в настуки, с 13 лет таскал тележку, в 18 поступил учеником на завод. Так прожил ты 35 лет и никогда не покидал Цзиньчжоу. И вот завтра ты сядешь в поезд и поедешь в Пекин, в университет. Кто бы мог подумать об этом раньше!

Затем свое слово сказал отец:

— Хорошенько учись в Пекине, оправь доверие и работу партии.

Последним сказал напутственное слово Цинь Бай-чунь.

— За два года, что я знаю Фу-шэна, он всегда и во всем был впереди. Онставил производственные рекорды, настойчиво учился и все время мечтал увидеть председателя Мао. Теперь в Пекине эта мечта может осуществиться.

Разошлись поиско, но Фу-шэн долго не спался. Он раскрыл новенький дневник в блестящей обложке, подаренный ему секретарем парторганизации, и на первой странице написал четыре иероглифа: «Вань-хуа фань-шэн», что значит «культурное обновление».

Цзиньчжоуский рабочий Ван Фу-шэн — один из почти 37-миллионной армии рабочих и крестьян Китая, которые учатся сейчас в вечерних и зимних школах, в народных университетах, на различных курсах.

Почти в то же самое время, когда Ван Фу-шэн получил путевку в народный университет, другой рабочий — Гао Янь-чан, был направлен в Центральную киношколу. История Янь-чана, о которой рассказывает газета, во многом совпадает с биографией его цзиньчжоуского товарища, с той только разницей, что в детстве Янь-чану удалось прорваться не два, а четыре года. Из-за нужды он вынужден был бросить учебу и поступить учеником на завод.

Но вот над великим Китаем взошла звезда свободы. Гао Янь-чан стал писать заметки в местную газету, а затем — корреспондентом в городскую печать.

— За год, — рассказывает в «Гунженъжбао» Гао Янь-чан, — я вырос настолько, что от заметок и корреспондентов перешел в рассказы и небольшим пьесам. Особенно помогли мне учеба в вечерней художественной школе при городском Дворце культуры. А теперь меня посыпают в Центральную киношколу, и я безмерно счастлив...

Будущий киноработник Гао Янь-чан с благодарностью вспоминает о той роли, которую сыграл в его духовном развитии городской Дворец культуры. Эти новые для Китая культурно-просветительные учреждения существуют теперь во всех крупных городах страны.

Большой популярностью пользуется, например, Дворец культуры шанхайских рабочих. Он расположен в самом центре города. Каждый вечер его многочисленные комнаты и залы заполняются около трех тысяч человек.

Раньше, рассказывает «Гунженъжбао», здесь находился ресторан «Лун-Фан Фаньян» («Восток») — излюбленное место игроков, купал, проституток, бандитов и спекулянтов. После установления народной власти шанхайский совет

* «Гунженъжбао» — «Рабочая газета», выходящая в Пекине.

** Цзинь — 600 граммов.

самым смелым мерам подавления демократического движения среди западногерманской интеллигенции. Достаточно сказать, что на основании специального указа «боинского правительства» принадлежность к «культурному» рассматривается, как «государственная измена». Создать же пользовавшиеся хоть как-нибудь популярностью в немецком народе объединения революционных писателей и работников искусств оказалось для американских «культуртрегеров» явно непосильной задачей. Правда, на американские деньги удалось склонить в Западной Германии и западных секторах Берлина различного рода ультраправые организации, в которых собраны фашистующие мракобесы, однако все эти сборища, носившие пышные названия, вроде «Лиги свободного духа», весьма быстро и бесславно заканчивали свою существование или открыто превращались, по меткому выражению прогрессивного немецкого писателя Стефана Хермлина, в «банды бывших нацистских гитлеровских концлагерей, а ныне американских шпионов».

Как сообщала прогрессивная немецкая газета «Фрайдом», придворный гитлеровский поэт Э. В. Меллер, награжденный в свое время фашистской премией, получила в этом году литературную премию за свои шовинистические стихи.

В углу своего американского хозяйства, возрождающим агрессивную немецкую ярмарку, эти литературные агенты строят всякой рода фальшивки, в которых строятся не только оправдания гитлеровских военных преступников, но и окружить их ореолом «мучеников» и «антифашистов».

Таковы, например, столь шумно разрекламированный в свое время «Западноберлинский союз писателей». Для того, чтобы быть принятым в его ряды, достаточно было уметь выражение прогрессивного немецкого писателя Стефана Хермлина, в «банды бывших нацистских гитлеровских концлагерей, а ныне американских шпионов».

Таков, например, столь шумно разрекламированный в свое время «Западноберлинский союз писателей». Для того, чтобы быть принятым в его ряды, достаточно было уметь выражение прогрессивного немецкого писателя Стефана Хермлина, в «банды бывших нацистских гитлеровских концлагерей, а ныне американских шпионов».

В своем рвении как можно лучше угодить американским хозяевам политических дельцов и литературных лжецов зачастую меняются роли. В роли «писателя» выступил недавно президент западногерманского марпонеточного государства Теодор Хайд, издавший книжку «Заклинание генов», клеветнически изображающую историю немецкой культуры. А реакционный литератор Пауль Эгон Люд, получивший в свое время скандальную известность в книге «Военные дневники», — это абсолютная полемическая ока на массах в течение длительного времени. Только немногие из «братьев» могут руководить делами своих походов «против большевизма».

Реакционеры, вышедшие приют в «боннском государстве», проповедуют возрождение фашистской диктатуры: «Для нас остается единственное средство к спасению, — пишет А. Парах в книге «Военные дневники», — это абсолютная полемическая ока на массах в течение длительного времени. Только немногие из «братьев» могут руководить делами государства».

Шестидесятилетнее господство американо-английских колонизаторов привело в катастрофическом упадку культуры, в нищету и безработицу среди западногерманской интеллигенции. Этого не может скрыть теперь даже реакционная печать. Так, буржуазная газета «Майн-поств» недавно писала: «Мы должны признать, что никогда еще в истории положение деятелей искусства в Западной Германии не было таким скверным, как сейчас». Выходящая в Гамбурге газета «Де вельт» сообщила, что из 472 опрошенных профессоров, доцентов и ассистентов 65 процентов вынуждены работать кельнерами в ресторанах, стекольщиками, корректорами, подсобными рабочими. Из 12 тысяч работников искусства, проживающих в Западном Берлине, — 7 тысяч безработных.

Такое положение не может не волюовать всех честных деятелей культуры Западной Германии, которые все решительней вступают на путь активного участия в борьбе с нахвачающейся угрозой новой войны.

Целостный западногерманский писатель, заурядил премия Гейне, Эмиль Бельцнер, выступил с заявлением в защиту мира и единства Германии, против американского интервенции в Корее. «Разве можно утверждать, — писал Бельцнер, — что немцы не поймут, что называет затасканный в Гамбурге газета «Де вельт» сообщила, что из 472 опрошенных профессоров, доцентов и ассистентов 65 процентов вынуждены работать кельнерами в ресторанах, стекольщиками, корректорами, подсобными рабочими. Из 12 тысяч работников искусства, проживающих в Западном Берлине, — 7 тысяч безработных.

Пропаганда убийств, насилия и войны служит и западногерманскому кино. Подавливающее большинство кинофильмов, демонстрирующихся на экранах Западной Германии, — американской продукции. Особенно усердствует в этом направлении упомянутый выше журнал «Гитлер», издаваемый американским режиссером Мельвиллом Ласки. В числе постоянных сотрудников этого журнала числится такие мракобесы, как Жюль Ромэн, Игнасио Силоне, Бертран Рассел. Вся эта свора провоцирует под флагом создания «общевосточного государства» военную агрессивную войну против Советского Союза, против стран народной демократии.

Стремясь духовно разоружить труящихся массы Западной Германии, направляя их волю к сопротивлению грабительской политике правящих кругов США, оккупационные власти усиленно пропагандируют растленные идеи космополитизма.

Следует, однако, отметить, что, несмотря на все старания западных оккупационных властей, несмотря на щедрые денежные субсидии, реакционная немецкая литература не смогла создать в одног скользко-нибудь значительного художественного произведения. Основная продукция западногерманских книгоиздательств — это ничего общего не имеющие с литературой «произведения типа «Генрих Гиммлер — великий герой машины», «Мемуаров Геббельса», сочиненных олигархами предпринимателями западногерманского журнализма, порнографическими романами, вроде «Чудесного божьего цветочка», и т. п. Не приходится удивляться, что в многих книжных магазинах Западной Германии любые книги продаются «навалом», по 4 марки за килограмм.

Пропаганда убийств, насилия и войны служит и западногерманскому кино. Подавливающее большинство кинофильмов, демонстрирующихся на экранах Западной Германии, — американского происхождения. Как писала реакционная газета «Де вельт», издаваемая американским разведчиком Мельвиллом Ласки. В числе постоянных сотрудников этого журнала, показанных на короткое время в Западном Берлине, зрители увидели 360 убитых, 167 крадых, 98 вооруженных наладий, 85 поджогов и 35 побегов из тюрем. Результатом этого таинственного влияния

Под предлогом «военной необходимости» американские власти в Западной Германии производят выселение немецких жителей. Тысячи жилых домов обсаживаются для размещения оккупационных войск США.

Весьма этого года в городе Штарнберге, вблизи Мюнхена, состоялась встреча писателей Германской Демократической Республики и Западной Германии, во время которой были обсуждены вопросы о сохранении единства немецкой культуры. В этой встрече принял участие ряд известных западногерманских писателей, в том числе видный драматург и новеллист Ганс Хенцин. Все они единодушно высказались против ремилитаризации Западной Германии, призывающей к революции, которая гласила: «Мы, писатели, осуждаем возрождение в Германии литературы, восхваляющей национал-социалистские режимы и выступающей за милитаризм и пожаром? Ни Западная, ни Восточная Германия не должны стать зоной пустыни».

Весьма этого года в городе Гамбурге, вблизи Мюнхена, состоялась встреча писателей Германской Демократической Республики и Западной Германии, во время которой были обсуждены вопросы о сохранении единства немецкой культуры. В этой встрече принял участие ряд известных западногерманских писателей, в том числе видный драматург и новеллист Ганс Хенцин. Все они единодушно высказались против ремилитаризации Западной Германии, призывающей к революции, которая гласила: «Мы, писатели, осуждаем возрождение в Германии литературы, восхваляющей национал-социалистские режимы и выступающей за милитаризм и пожаром? Ни Западная, ни Восточная Германия не должны стать зоной пустыни».

Весьма этого года в городе Гамбурге, вблизи Мюнхена, состоялась встреча писателей Германской Демократической Республики и Западной Германии, во время которой были обсуждены вопросы о сохранении единства немецкой культуры. В этой встрече принял участие ряд известных западногерманских писателей, в том числе видный драматург и новеллист Ганс Хенцин. Все они единодушно высказались против ремилитаризации Западной Германии, призывающей к революции, которая гласила: «Мы, писатели, осуждаем возрождение в Германии литературы, восхваляющей национал-социалистские режимы и выступающей за милитаризм и пожаром? Ни Западная, ни Восточная Германия не должны стать зоной пустыни».

Весьма этого года в городе Гамбурге, вблизи Мюнхена, состоялась встреча писателей Германской Демократической Республики и Западной Германии, во время которой были обсуждены вопросы о сохранении единства немецкой культуры. В этой встрече принял участие ряд известных западногерманских писателей, в том числе видный драматург и новеллист Г